

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА

УДК 81.111'37: 811.161.1'373.23

Doi 10.26456/vtfilol/2024.2.007

ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ДИАХРОНИИ: к постановке проблемы

И.М. Ганжина, С.В. Мкртычян

Тверской государственной университет, г. Тверь

Обосновывается возможность применения прагмастилистического подхода к изучению диахронического антропонимического материала: описывается специфика предлагаемого подхода, иллюстрируется действие стилистических законов контраста и согласования (по Т.Г. Винокур) на основе употребления личных имён и их форм с учётом прагматического контекста на материале документов тверской деловой письменности XVI–XVII вв.

Ключевые слова: антропоним, диахрония, прагматика, стилистика, носитель языка, тверская деловая письменность

Становление антропонимической системы находится в фокусе исторической антропонимики. Её изучение ведётся в различных направлениях, основными из которых считаются подходы, основанные на учёте фонетических, словообразовательных, грамматических особенностей антропонимов (представлены в работах Л.П. Калакуцкой, А.В. Сусловой, А.В. Суперанской, Ю.А. Карпенко, Т.А. Сидоровой и др.). Отдельно следует назвать исследования, посвященные описанию способов и средств выражения эмоционально-экспрессивных оценок в полных и деминутивных формах антропонимов и выполненные с позиций семантики (работы Е.Ф. Данилиной, В.Д. Бондалетова, П.Т. Поротникова, В.И. Чернышева, О.Д. Митрофановой, А.И. Толкачева, Р.К. Хюбнера и др.).

Обширный антропонимический материал, содержащийся в памятниках письменности, в частности тверской деловой письменности XVI–XVII вв., может быть подвержен изучению на основе прагмастилистического подхода.

Прежде всего важно подчеркнуть, что употребление антропонимов включено в целенаправленную практическую деятельность носителей языка. И.П. Сусов рассматривает язык через призму деятельности в широком коммуникативном контексте, подчёркивая связь языка (речи) с совместной деятельностью языкового коллектива и определяет прагматику как «исследование особенностей

употребления языка с учётом актуальных контекстов речевого общения» [17: 89]. Лингвистическая прагматика центрирована на условиях использования языка, к числу которых прежде всего относятся коммуникативные цели (интенции) субъектов коммуникации, хронотоп (время и место), социальные статусы, конвенции общения и др.

Отечественная стилистика концентрируется на исследовании вариантов речевого поведения *говорящего субъекта* (по Т.Г. Винокур) в зависимости от условий общения, без учёта которых невозможно вскрыть особенности стилистического употребления языковых единиц.

В XVI–XVII вв. идут активные социально-политические процессы, направленные на централизацию и укрепление Российского государства. Эти процессы сопровождаются резким увеличением количества деловых документов: как государственных (судебники – своды законов, царские указы, послания за рубеж правителям других стран), так и частных (донесения послов, грамоты, челобитные лиц различного социального положения). Деловая письменность была направлена на узаконивание социально-экономических отношений в едином государстве, в котором расширялась и усложнялась деловая переписка, обслуживающая судопроизводство, торговлю, нужны боярского и монастырского хозяйствований, вместе с тем отражая повседневную жизнь и фиксируя процессы формирования антропонимической системы в условиях расшатывания так называемого «двуязычия», ставшего основой формирования русского литературного языка на основе двух типов языка – книжно-славянского и делового, вобравшего в себя стихию разговорной речи.

Специфика прагмастилистического подхода заключается не в изолированном анализе имён, их форм, фонетических и грамматических особенностей, а в комплексном подходе к изучению антропонимического материала с учётом, во-первых, контекста употребления имени и его стилистических вариантов, в том числе в антропонимической формуле, во-вторых, социальных статусов говорящих и конвенций употребления имён в определённый исторический период.

Т.Г. Винокур в монографии «Закономерности стилистического использования языковых единиц» пишет о двух стилистических законах – согласовании и контрасте [4], на основе которых возникают стилистические эффекты. Проиллюстрируем действие этих законов на антропонимическом материале с привлечением прагматического контекста.

В XVI в. христианские личные имена – как в дворянской среде, так и у крестьян – занимают преобладающее положение: так, у помещиков они составляют около 80 % от общего числа записанных в памятниках имен; у крестьян же в этот период гораздо чаще, чем у дворян, употребляются нехристианские имена, обладающие, как известно, значительно большей различительной способностью. Наши материалы позво-

ляют пересмотреть сложившееся у ряда авторов представление о социальной закреплённости имен, о том, что «в определенную эпоху на определенной территории каждый класс, каждое сословие устанавливает для себя свою систему имен» [8, с. 9]. Анализ памятников показывает, что уже в этот период наблюдается тенденция к отбору небольшой группы популярных онимов. В десятку наиболее употребительных и у крестьян, и у помещиков в этот период вошли имена: *Иван, Василий, Дмитрий, Федор, Григорий, Михаил, Андрей, Семен, Петр, Степан* (лишь вместо имени *Петр*, распространенного у помещиков, у крестьян в первую десятку входит имя *Матвей*). Эти 10 имен отмечены почти у 70 % носителей, при этом имя *Иван* зафиксировано у 17 % мужчин. Вероятно, по этой причине существовали многочисленные варианты одного и того же имени, образующие цепочки стилистически обусловленных вариантов.

Изучение прагматического контекста позволяет предположить, что социальное расслоение происходило в исследуемый период на ином уровне: не совокупность разных имён, а совокупность их форм соответствовала социальному рангу называемого лица. Например, у помещиков наиболее частый вариант имени *Михаил* – *Михаль*, у крестьян же эта форма не отмечена вовсе, а самым распространенным является вариант *Михалко*; у помещиков имя *Карп* встречается только в полной форме, а у крестьян – с деминутивными суффиксами: *Карпуня, Карпик* и т.д. Любопытно, что, например, в писцовых книгах у крестьян крайне редко наблюдается полная форма имен; кроме того, у них зафиксировано в этот период почти в два раза меньше финалей (соотношение 15:27), чем в именах помещиков, и гораздо меньше вариантов каждого имени. Вероятно, данный факт связан с тем, что в период двуименности (а у крестьян число прозвищных имен было выше) у помещиков на каждое христианское имя приходилось больше носителей, и за счет варьирования удавалось создать большое количество употребляемых форм имен, избегая таким образом частого повторения одного и того же имени. Эта тенденция сохранилась вплоть до XX в. Так, в кандидатских диссертациях С.В. Мкртычян [10] и С.Н. Бабий [1], посвящённых изучению дифференциации форм христианских личных имён в XIX в., доказано, что социальное расслоение реализовывалось в формах имён.

К XVI в. начинает формироваться стилистическое расслоение форм христианских личных имен. На фоне многообразных разговорно-народных вариантов, оформленных различными суффиксами, в именовании дворян, помимо полной формы имени, отмечается четкое противопоставление одной (реже двух) из наиболее употребительных его форм остальным вариантам (*Ивашко, Васюк / Васка, Митка, Федко, Гридя, Михаль, Ондрейко, Сенка, Петрок, Степанко* и т.д.), что свидетельствует об устойчивой тенденции стилистического дифференцирования форм, одна из которых начинает претендовать на статус официальной.

Другой стилистический закон связан с согласованием языковых фактов, формирующих стилистическую систему узуса. Личные имена не только различают, но и ставят носителя имени в определённый социальный ряд [12], в этом случае именник начинает выполнять объединительную функцию. Данное свойство антропонимов имеет очень древние традиции и свойственно многим народам прошлого. Так, В.П. Нерозник, исследовавший палеобалканскую ономастику, пишет о тенденции к сохранению общей основы (особенно у членов царских и королевских семей), когда близкие родственники имеют имена с одинаковыми или сходно звучащими элементами [11: 40–41]. У многих народов личные имена указывают на принадлежность к определённому коллективу, определённой социальной ячейке, в том числе и к семье. Так, среди современных монголов широко распространён обычай, согласно которому родные братья и сёстры носят имена, имеющие общую повторяющуюся часть [2].

Примеры сходства имен родственников можно найти и в России XV–XVI вв. Приведем самые известные: «рыбьи» имена в роду помещиков *Линевых* (*Сом, Окунь, Ери, Карась*); «ботанические» – у смоленских князей Фоминских (*Трава, Пырей, Осока, Дятелина* < *дятелина* (ср. *дятельник, дятлевник, дятла, дятлева, дятлик, дятлина, дятлица* – в говорах разные виды клевера [15: 8, с. 308–309]; «зоологические» – в роде Колычевых (*Кобыла, Жеребец, Кошка*); отмечены в одном роду даже «куриные» имена – ср.: Александр Григорьевич *Цыпля Курицын Кокорев* (ср. родственные *коко* – «яйцо», *кокош* – «курица-наседка» [7, 2: 134]. Подобные прозвища, по мнению С.Б. Веселовского, могли быть пережитком тотемизма [3: 171–172]; А.В. Суперанская же справедливо, на наш взгляд, полагает, что «последовательное присвоение в одном и том же семействе ботанических, ихтиологических и т.п. прозвищных имён свидетельствует о том, что даны они были не со стороны и не по каким-либо признакам человека, а определялись семейной традицией» [16: 17]. Е.Н. Иванова называет такие серийные антропонимы «соименованиями» и определяет их как особый тип «отадресатно-мотивированных номинаций» [9: 6].

О существовании подобной связанности имён членов одной семьи или рода позволяют говорить и материалы тверской деловой письменности XVI–XVII вв., при этом данный способ «соименования» можно наблюдать лишь в некалендарных именах, сохранявших связь с апеллятивами. Установление факта связанности имён возможно на основе анализа прагматического контекста.

Чаще всего подобное явление встречается у представителей одного поколения (у родных братьев): *Чюлок, Башмак Ивановы дети Абашева* [14: 96]; *Первой да Второй Васильевы дети Буйкова* [14: 214]; *Огарок да Пятой да Шестой Васильевы дети Власьева* [14: 184]; *Менишик да Третьяк Левонтьевы дети Проестева* [14: 118]; *Пятой и Третьяк*

Спешнев [13: 544]; *Лучанин Казаринов сын Шишков* [14: 10] (имена по народностям); *Истомка, Томилко Офонасьевы дети Подключникова* [14: 47] (имена братьев имеют общий корень, связанный с глаголом *томить* и предположительно давались детям, «истомившим» мать во время родов) [5: 227, 474]; *Булгак да Будаи Сытины* [14: 188] – по всей видимости, оба брата носят внутрисемейные имена со сходной семантикой: *Булгак* < *булгачить* ‘тревожить, беспокоить, будоражить’ [7, 1: 140].

Реже связанность имен наблюдаем у представителей двух поколений (у отца и сына или у дяди и племянника): *Иван Хромой Падиногин* [13: 568]; *Некрас Неклюдов сын Песотцкого* [14: 188]; *Неклюд Свиньин* [14: 48] – *Степан Суворов сын Свиньина* [14: 49] (имена племянника и дяди связаны по значению: *Неклюд* < из нарицательного *неклюд*, *неклюжий* ‘некрасивый, невзрачный’ либо из диалектного *неклюдимый* ‘молчаливый, необщительный’ [5: 334], Иногда данное явление можно отметить и в пределах нескольких поколений: *Нечайко Некрасов сын Нечаева* [13: 439]; *Иван Саница Воробьев* (в обоих примерах мы наблюдаем в составе именованного одного лица нехристианские имена одной семантической группы: *Нечай*, *Некрас* – внутрисемейные имена-обереги, *Саница*, *Воробей* – зоофорные имена по названиям птиц).

Немало примеров внутрисемейной связанности личных имён и прозвищ можно найти и в материалах тверской деловой письменности преднационального периода – не только в прозвищных, но и в христианских именах. Авторам удалось установить достаточное количество такого рода фактов, чтобы убедиться в системности этого антропонимического явления, которое носит характер закономерности. Приведём примеры связанности имён:

1. У двух родных братьев: сытники *Ивашко* да *Ивашко* ж *Неклюдовы дети Дурова* [14: 131]; *Илейка Меншой Сушков* [14: 216] – в данном случае наличие при имени определения *меньшой* является показателем того, что в семье был еще один человек (скорее всего брат) по имени *Илья*. С.И. Зинин, анализируя антропонимические данные XVIII в., отмечает ту же тенденцию: в случае наличия тёзок в одной семье или роде прибегать ко вторым, чаще всего прозвищным именам или дополнительным словам ‘меньшой’, ‘большой’ и т.п. [8: 13].

2. У отца и сына (наиболее частый случай семейной одноимённости): *Григорей Григорьев сын Давыдова* [14: 183]; *Яков Яковлев сын Бибииков* [18: 40]; *Иван Иванов сын Коротнева* [20: 176]; князь *Никита Никитич Владимирский* [6: 34]; *неслужилый Левонтей Левонтьев сын Медведев* [19: 47] и многие другие.

3. У внука и деда (иногда более далекого предка, так как материалы документов старорусского периода практически не позволяют отделить дедичества и фамильные прозвания) – в данном случае имя деда

именуемого, как правило, выводится из отчества его отца – ср.: князь **Иван Андреевич Золотова** [14: 243] – князь **Ондрей княж Иванов сын Золотова** [14: 110]; **Василей Федоров сын Левашова** [14: 185] – Федор **Васильев сын Левашова** [14, с. 181] и др.

4. Самый частый случай связанности христианских имен внутри семьи – это употребление одного личного имени у двоюродных братьев. Ср.: **Никита Иванов сын Воеводина** – **Никита Васильев сын Воеводина** [14: 252]; **Петрок Омелянов сын Рагозина** [14: 99] – **Петрок Васильев сын Рагозина** [14: 225]; **Митка Иванов сын Садыкова** [14: 264] и многие другие: почти в каждом роду можно найти двоюродных братьев, носивших одно имя.

Таким образом, анализ антропонимического материала в диахронии может быть обогащён за счёт использования прагматилистического подхода, позволяющего интерпретировать факты языкового употребления с опорой на прагматический контекст. Он объясняет различия в формах именования стилистическими закономерностями, которые в самом общем виде сводятся к тенденциям, выражающимся в согласовании и контрасте. Употребление антропонимов целесообразно рассматривать с позиции носителя языка того времени, реконструируя его интенции, воплощённые в текстах исторических памятников, что представляется возможным на основе изучения как широкого культурно-исторического контекста, так и узкого контекста бытования конкретного исторического документа.

Список литературы

1. Бабий С.Н. Реконструкция нормы в употреблении полных форм христианских личных имен в русском литературном языке карамзино-пушкинского периода: автореф. дисс. канд. филол. наук. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1996. 16 с.
2. Банчиков Г.Г. Брак и семья у монголов. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1964. 59 с.
3. Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории // Новый мир, 1969, № 1. С. 171–172.
4. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 2009. 237 с.
5. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М.: АСТ Астрель, 2001. 672 с.
6. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год / Сост. М. Чернявский. Тверь, 1869. 472 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989–1990.
8. Зинин С.И. Русская антропонимия XVII–XVIII вв.: на материале переписных книг городов России: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент: Ташк. гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1969. 22 с.

9. Иванова Е.Н. Имена собственные в монастырской деловой письменности Белозерья конца XIV–XV вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Вологда: Вологодский гос. пед. ун-т, 2006. 22 с.
10. Мкртычян С.В. Норма в употреблении полных форм христианских личных имен в русском литературном языке второй половины XIX – начала XX веков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1995. 16 с.
11. Нерознак В.П. Принципы исследования палеобалканской ономастики // Историческая ономастика. М.: Наука, 1977. С. 27–48.
12. Никонов В.А. Личное имя – социальный знак // Глазами этнографов. М.: Наука, 1982. С. 27–50.
13. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией: в 6 т. Т. VI. Книги Бежецкой пятины. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1910.
14. Писцовые книги Московского государства XVI века / ред. Н.В. Калачев. Ч. 1. СПб.: СПб. Имп. Русское Геогр. Общество, 1877.
15. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–40. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2006.
16. Суперанская А.В. Имя и эпоха (к постановке проблемы) // Историческая ономастика. М.: Наука, 1977. С. 7–26.
17. Сусов И.П. Введение в языкознание: учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 379 с.
18. Тверское дворянство XVII века. Вып. 2. Состав тверского дворянства по десятиям XVII века / В обработке В.Н. Сторожева. Тверь: Типография Губернского правления, 1893.
19. Тверское дворянство XVII века. Вып. 3. Состав старицкого и кашинского дворянства по десятиям XVII века. / В обработке В.Н. Сторожева. Тверь: Типография Губернского правления, 1894.
20. Шумаков С.А. Тверские акты, изданные Тверской ученой архивной комиссией. Вып. I. Акты 1506–1647 гг. Тверь: Типография губернского правления, 1896–1897.

Об авторах:

МКРТЫЧЯН Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: mkrtytchian@mail.ru

ГАНЖИНА Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: emmaus1962@yandex.ru

**PRAGMASTYLISTIC APPROACH TO ANALYZING
THE ANTHROPONOMIC MATERIAL IN DIACHRONY:
PROBLEM STATEMENT**

I.M. Ganzhina, S.V. Mkrtychyan

Tver state university, Tver

The paper justifies the applicability of the pragmastylistic approach to analyzing the diachronic anthroponomic material. We attempt to describe the specifics of the suggested approach, as well as to illustrate the stylistic laws of contract and concord (according to T.G. Vinokur) based on using first names and their forms considering the pragmatic context as exemplified by Tver business literary documents of the 16th and 17th centuries.

Keywords: *anthroponym, diachrony, pragmatics, stylistics, native speaker, Tver business literary texts*

About the Authors:

MKRTYCHYAN Svetlana Victorovna – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Language Theory, Translation and French Philology, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), e-mail: mkrtychian@mail.ru

GANZHINA Irina Mikhailovna – Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor at the Department of the Russian Language, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), e-mail: emmaus1962@yandex.ru

© Ганжина И.М., Мкртычян С.В., 2024

Статья поступила в редакцию 19.02.24
Подписана в печать 05.03.24